

The background image is a full-page photograph of a landscape. A two-lane asphalt road curves from the bottom left towards the middle distance. To the right of the road, there is a line of tall, dark green coniferous trees. In the background, there are rolling hills and mountains under a deep blue sky with scattered white clouds. A vibrant rainbow is visible on the left side of the image, arching over the landscape. The overall mood is serene and expansive.

Виктория Фельдман

Эмигрантская
ЖИЗНЬ
Продолжение

Виктория Фельдман

**Эмигрантская жизнь.
Продолжение (сборник)**

«Литео»

2018

УДК 82/821-821.161
ББК 84-4

Фельдман В.

Эмигрантская жизнь. Продолжение (сборник) / В. Фельдман —
«Литео», 2018

ISBN 978-5-00071-084-5

Еврейская эмиграция вызванная разрушительной для страны Перестройкой, вот тема повестей и рассказов. Автор является участником-очевидцем, пережившим весь этот ужас, после которого хотелось бежать куда глаза глядят. Покидая насиженные места, переселенцам казалось, что везде похожая жизнь. Спустя время стало понятно, что это далеко не так. Автор на личном примере рассказывает о трудностях на новом месте, с которыми столкнется каждый. Сами рассказы одновременно комические и трагические. Они публикуются для того, что бы прочитав их, те которые решают для себя, что «Ехать надо», представят себе, что их ждет там, за бугром.

УДК 82/821-821.161

ББК 84-4

ISBN 978-5-00071-084-5

© Фельдман В., 2018

© Литео, 2018

Содержание

Виктория Фельдман	6
Каждому свое	8
Семейная сага	12
Украина 1944 год	12
1941 год	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Виктория Фельдман

Эмигрантская жизнь. Продолжение

© Фельдман В., 2018

© ООО «ЛИТЕО», 2018

Виктория Фельдман

Родилась в Одессе. По профессии инженер. Переехала в Германию на постоянное место жительства в 1993 году. Имеет двух сыновей, которые тоже живут и работают в Германии.

Я люблю свой город, он стал мне родным. Его улицы и скверы, бульвары вдоль рек и большое количество цветов вокруг. Но больше всего трогает мою душу цветущая акация под окном. Улыбающиеся и добрые люди.

Много лет прошло с того времени, когда я пересекла границу бывшего Советского Союза и оказалась без знания языка, одна с двумя чемоданами и 100 ДМ в кармане в чужой незнакомой для меня стране. Я смотрела на все с удивлением. Окружающий мир был для меня каким-то нереальным. Мне думалось, что я играю роль в чужом фильме, а сюжет его неизвестен. Мне было совершенно непонятно все в этой стране: – язык, одежда, порядки, отношения между людьми, правила поведения. Я всегда была уверена, что приехав из крупного портового города, который в Советском Союзе считался центром культуры, я многое знаю и умею. Однако попав в новый для меня мир, чувствовала себя в свои 45, совершенной школьницей.

Первое время незнакомая новая жизнь шла параллельно со мной, моим сознанием. Я наблюдала все со стороны. Так же как и я жили многие, они продолжали собираться на кухнях в новых своих социальных квартирах и делиться новостями. Ну, просто точно, как в той жизни. Но пришло время и мне просто надоело наблюдать. Я устроилась на работу, конечно не по профессии. Там, в прошлой жизни я была инженер-экономист на крупном заводе. А здесь? Но все прекрасно знают, что если не получить курсов переподготовки, (а мне был почти 50), не иметь связей, о профессии нужно забыть. А выживать было необходимо. Естественно, как и многие, в первый год жизни здесь, каждый день звонила в оставшийся далеко родной город. Выбирала вещи из склада красного креста и отправляла все это автобусом на бывшую родину, что бы оставшиеся там родственники не умерли с голоду. Но время шло, и я, все больше входила в новую жизнь.

Очень трудно давался мне новый язык. Сколько я прошла языковых курсов, сказать сложно.

Но мне улыбнулась удача, я нашла друзей. Мы объединили свои усилия и открыли Кафе. Работа была сложная. Это всем вначале, кажется, что работать в собственном кафе не надо, а деньги можно грести лопатой. Не хочется всех разочаровывать, но это далеко не так. Работать пришлось по 14 часов в сутки. Местный народ вначале очень опасливо заходил к нам. Но мы старались понравиться и народ появился. Работа пошла активно. Иногда приходили «наши». Те самые, которые привыкли сидеть на кухнях. Они, подходя к дверям, боялись зайти. стояли на улице, пока я не выходила и за руку не заводила их в зал.

Были среди наших посетителей и пожилые эмигранты из стран СНГ, приехавшие по еврейской эмиграции. Им очень необходимо было общение. Пришлось договориться с руководством еврейской общины и организовывать встречи на их территории. Часто приходилось приглашать музыкантов, артистов, лекторов.

Однажды в городской художественный музей русские искусствоведы привезли картины из Ленинградского Эрмитажа. Руководство музея предложило организовать русский праздник. Пригласили и нас. Мы приготовили много всего: русской еды, русской водки, русский самовар, пригласили русских музыкантов. Праздник удался. Немцы еду раскупили, чай из самовара пили с удовольствием. Опьяневшие немцы под конец праздника вместе с музыкантами распевали «Катюшу».

Когда приняли новый закон о совете иностранцев, общество рекомендовали меня кандидатом в совет. Прошло время и, меня выбрали.

Сложно начинать политическую деятельность в 56, но очень интересно.

Жизнь вообще штука замечательная. Всегда нужно верить в удачу и она придет.

Каждому свое

В нашем доме всегда был культ детей. Детей баловали, холили, они всегда получали все самое лучшее. Моя мать была женщиной строгой, но меня, как первенца, любила и жалела. Ей всегда чудилось, что именно со мной может случиться что-то плохое. Мне, конечно, такие предчувствия были в тягость. Но, когда в доме действительно случилась беда, умер мой отец, я стал больше времени проводить с семьей. Мне казалось, что я для моей мамы значу многое. Именно с моей учебой и карьерным ростом были связаны все ее помыслы и надежды. Ведь все знали, что стать инженером, а потом руководить группой в престижном институте-для еврейского мальчика было очень важно.

Время шло, моя мама вышла на пенсию, а я все ходил в солидных женихах.

Сестра моя была девочкой более свободной и независимой – мой, чем я. Она не была предназначена продолжать фамилию, и за ней не наблюдали так, как за мной.

В 25 лет она удачно вышла замуж, родила дочь и полностью перебралась к мужу. И я остался вдвоем с мамой. Теперь контроль надо мной стал повсеместным. Что ел и что пил, с кем говорил по телефону, почему на 15 минут задержался после работы. Я старел, и ко мне все чаще приходила молодая и длинноногая красавица. Мама при этом вполне счастлива, а дальше – много детей. Однако, сны развеивались, реальность не радовала. Зарплату платили все меньше и с перебоями. Брюки совсем протерлись и туфли прохудились. Голова стала седесть, а спина сутулиться. Я все яснее понимал, что шансов на молодую и длинноногую у меня с каждым днем все меньше.

В один из очень безрадостных периодов меня направили в город Рязань, на научную конференцию. Конференция была очень скучной. Я решал шахматные задачи на маленьком компьютере. Справа от меня сидела миловидная женщина лет 36-ти, которую тоже заинтересовали шахматные головоломки. Она попросилась посмотреть, и мы стали решать вместе. После конференции мы отправились гулять по городу, зашли в недорогой ресторан пообедать. Я оплатил заказ и, наконец, почувствовал себя мужчиной.

То, что женщина была не очень молода и не длиннонога, оказалось совсем несущественно.

Она приехала из Ленинграда. Тоже математик. Рассуждала грамотно и толково. Почему она не была замужем, я не спрашивал. Меня в данной ситуации устраивало все. Слава богу, мама не звонила и не интересовалась, что я ел на обед. Как оказывается, хороша жизнь, когда ты имеешь друга. Жили мы в гостинице на разных этажах, но это нам не мешало каждый день встречаться.

На третий день, после обеда, мы зашли к ней в номер. На столе чай и печенье. Кругом тишина. Тут мне очень захотелось ее обнять, а дальше все произошло само собой. Я даже не очень помню, как мы оказались с ней в постели. Я чувствовал себя совершенно неподготовленным школьником, а она тихо все время говорила: «Ну, погоди, не так! Не спеши!»

Последние дни конференции мы с утра отмечались в бюро, а после первой паузы исчезали и до конца дня находились в ее номере. Нам это нравилось все больше и больше. Но вот и время командировки подошло к концу. Пора было домой, к маме. Моя новая пассия ни на что не претендовала. Я твердо решил. Поеду к ней в Ленинград с предложением руки и сердца, распишемся, а там будь, что будет.

Мама встречала меня очень радостно. Наконец-то сыночек дома. Она никак не могла понять, что я уже давно вырос. Ничего ей не сказав, я через неделю уехал в Ленинград. Боже, как радовалась Вера. Она принимала меня по – королевски, хотя жила примерно в такой же

«хрущевке» и ее финансовое положение было почти, как мое. Мы подали заявление в Загс, но сразу не расписывали. Приходите через месяц, – сказали нам. Мы очень из-за этого расстроились. Но закон есть закон, и я снова уехал к маме.

Прошел месяц переживаний и звонков. Все вроде налаживалось. Я пытался несколько раз завести с мамой беседы о моей предполагаемой женитьбе, не называя при этом ничьих имен, чтобы не вызывать у нее подозрений. Мама намеков не понимала, потому что не видела предмета моих желаний. Она считала меня неудачником и закостенелым холостяком. Основной ее фразой было: «Что ты, сыночек. Нет такой девушки, которая могла бы заменить тебе мать, а вместе мы не уживемся. Да и поздно уже, твое время ушло.»

Я все это слушал и втайне, как нашкодивший мальчишка, радовался тому, что будет. А вот и месяц прошел. Я снова в Ленинграде. Мы с Верой расписались и пошли в ресторан. А потом я предложил Вере поехать со мной в Москву. Она сильно волновалась, но согласилась. Я купил большой букет цветов, позвонил маме, что приехал не один и попросил ее подготовиться к встрече. Мама, конечно, не ожидала, но, благодаря своему дворянскому воспитанию, надела на лицо дежурную улыбку. Вечер в нашей новой семье прошел относительно спокойно.

На другое утро моя жена поехала в Ленинград за вещами. В ее квартире осталась жить ее родная сестра, которая из-за Веры не могла выйти замуж.

Как только Вера уехала, моя мама ворвалась ко мне в комнату с гневным лицом.

– Как ты мог! – кричала она. – Почему ты со мной не посоветовался, она тебе совсем не подходит! Как же мы теперь будем жить? Это что же, в доме еще одна хозяйка?

Я молчал, заранее ожидая подобного скандала. Потихоньку шум затих и мама ушла к себе. А через неделю приехала Вера с вещами и у нас началась новая жизнь.

Как положенно, через 9 месяцев у нас родился сын. Когда мы с мамой забрали ее с ребенком из роддома, мама заявила, что сама будет воспитывать внука.

Я был совершенно счастлив, ведь теперь можно было с уверенностью сказать, что я прожил свою жизнь не напрасно.

Но тут вскоре грянула, как гром среди ясного неба, политическая борьба между Горбачевым и Ельциным. Все полетело в тартарары. Мое НИИ закрыли, и мы всей семьей остались не у дел. Моя жена вспомнила, что можно попробовать выехать в Германию.

Она долго оббивала пороги всяких организаций, собирая документы, и вот мы в пути, конечно, вместе с мамой.

Первое место нашего пребывания на ПМЖ – общежитие в маленькой немецкой деревушке.

Поселили нас всех в одной комнате, где стояли двухъярусные кровати. За все время пребывания в общежитии мама не произнесла ни слова. Она была шокирована условиями жизни. Она не понимала немецких телевизионных программ, она боялась выходить на улицу. Ей в тот год исполнилось 70. В глазах ее читался постоянный ужас. Прожив в таком напряжении 4 месяца, она попросила разрешения поехать в Москву, провести дочку.

Я купил ей билет на поезд до Москвы и мы с Верой и Костиком проводили ее на вокзал. Билет был в два конца, она должна была вернуться через неделю. Каково же было наше удивление, когда за 2 дня до ее приезда позвонила сестра из Москвы и сообщила, что мама назад не вернется, а все вещи просит выслать ей попутной машиной.

Теперь мы остались втроем и наша жизнь опять переменилась. Мы нашли жилье и решили переехать, ребенку пора было в школу.

Мы прошли наш путь, как вся еврейская иммиграция, – общежитие, курсы немецкого языка, интеграционные курсы по поиску работы и большие проблемы с трудоустройством. Время шло, а найти работу было практически невозможно.

Мы писали везде, что можем работать инженерами или преподавателями математики, но, из-за отсутствия правильного немецкого, нас нигде не брали. Я приобрел компьютер и все свободное время учил язык. А Вера, как любая женщина, была вся в заботах. Совершенно случайно ей повезло, и она нашла работу по уходу за больной еврейской бабушкой, бывшей жительницей Ленинграда.

Эта работа была очень непривычна, но что делать, ведь не работать тоже нельзя. Эта бабушка уже отпраздновала 80 лет. К моменту встречи с Верой она прожила в Германии более пяти лет. Приехала в Германию с дочкой, зятем и внуком. Однако, все прежние отношения в чужой стране разрушились. Дети посещали ее редко, а внук вообще переехал учиться в Берлин. И бабушка, которая всю жизнь была окружена людьми, осталась совсем одна.

– Ой, деточка, – говорила бабушка, когда Вера бралась за тряпку и веник.

– А знаете ли Вы кем я была в моей жизни? Я преподавала музыку в Институте им. Гнесиных. Мне выпало большое счастье учиться у такого выдающегося музыканта, как Генрих Густавович Нейгауз. Он родился в 1888 году в Кировограде, в семье русских немцев, и с семи лет прекрасно импровизировал на фортепиано. А вот с 19-ти – начал самостоятельную музыкальную карьеру. Я вам расскажу о нем.

В 1904 году молодой музыкант выступал в городе Дортмунде на фестивале, а также участвовал в концертах по Германии. Немецкая пресса превозносила успехи юного музыканта, и его приняли в «Германскую Высшую школу мастерства» под руководством Леопольда Годовского. После окончания школы он возвратился в Петербург, где поступил в консерваторию. К началу Великой Отечественной войны известного музыканта сажают в тюрьму только потому, что он по происхождению немец.

В 1942 году московская консерватория была эвакуирована в Свердловск, где в то самое время жила и моя семья.

Я к этому времени училась в последнем классе школы. Чтобы прокормиться, мне приходилось после школы работать на железной дороге. Холод, мороз достигал 30 градусов, это было ужасно!

Бабушка останавливает рассказ и закрывает глаза.

– Ой, деточка, как я устала, и так страшно все это вспоминать. Я лучше в следующий раз расскажу вам, что было дальше.

Прошла неделя, и Вера снова взялась за тряпку и швабру.

А бабушка Александра Яковлевна, вдруг вспомнив свой прежний рассказ, решила его продолжить.

– Помните деточка, о чем я вам рассказывала? – спрашивает она.

– Да, конечно, – отвечает Вера.

– Так вот, – продолжала бабушка, – в 1942 году Нейгауза освободили из тюрьмы и он там, в Свердловске, начал набирать учеников путем конкурсного отбора. Ой, вы знаете, когда я узнала, что меня приняли, чуть с ума не сошла от счастья. В то незабываемое время быть ученицей Нейгауза считалось очень почетным.

В 1944 году консерватория вернулась в Москву. Нейгауз пригласил и меня переехать, и продолжать учебу. Это письмо я сохранила до сегодняшнего дня, вот оно в рамке. Я была зачислена на 4 курс консерватории, которую закончила в 1945 году. Мой диплом был подписан самим Шостаковичем. А самые известные ученики Нейгауза – это Святослав Рихтер и Александр Ведерников. У Нейгауза еще был сын Станислав Генрихович, который тоже стал замечательным музыкантом.

Бабушка, устав от рассказа, опустила на диван и уснула.

А Вера продолжала свое благородное дело по уборке.

Живя в Германии, мы познакомились со многими соотечественниками, которые также, как и эта бабушка, прожили яркую интересную жизнь.

Так шли дни, месяцы. А через год, мне предложили работу инженера на севере Германии. Я был так счастлив, что все остальные проблемы просто испарились.

Мы переехали в крупный город, где бурлит настоящая жизнь и где, наконец, мы почувствовали себя «белыми людьми».

А моей маме я шлю посылки с немецкими лекарствами, и она чувствует себя хорошо на родине. Она не смогла привыкнуть к чужбине. Каждому – свое.

Семейная сага

Украина 1944 год

После страшных лет фашистской оккупации, на юг Украины вместе с весной пришло освобождение. Советская армия успешно занимала город за городом. Наконец-то и Одесса вздохнула полной грудью. Из Сибири и средней Азии начали возвращаться жители. Сколько надежд, сколько новых планов!

Но, вернувшиеся не узнавали родной город. Город был разрушен, не было света, не ходил транспорт. Во время оккупации в городе бесчинствовали румыны в компании с местными украинскими националистами-бандеровцами, руки которых были по локоть в крови. Это те самые, которые состояли в нацистских батальонах. Увидав, что румыны уходят, украинские мародеры поняли, что пришла другая власть. Продажные бандиты срочно решили перестроиться и, поменяв идеологию, остаться в городе. Пустых квартир по городу стояло много, занимай любую. А свидетели их кровавых бесчинств, все равно все расстреляны и, похоронены в общих могилах.

Вначале Отечественной войны, при первых бомбардировках города, стариков, женщин и детей эвакуировали на восток. Перед отъездом жители внимательно слушали советское радио и думали, что все эти события ненадолго. Уезжая, люди оставляли в квартирах все: мебель, посуду, картины. Однако прошли долгих три года. Люди, ставшие вынужденными беженцами, на новых местах привыкали к другим условиям жизни. Жили скученно в чужих домах, работали по 12 часов в помощь фронту.

После ужасов войны, повзрослевшая молодежь собиралась вечерами в какой-нибудь из уцелевших квартир. Так познакомились Абрам и Берта. До войны им было по 15 лет. На их неокрепшие души пришлось много испытаний, но они за эти годы повзрослели и очень радовались жизни.

Многие из их родственников погибли в этой ужасной войне. Он и она оказались совсем одни на белом свете. Прошло немного времени после их знакомства, и они решили пожениться. Как и где это было возможно сделать в 1947 г.? Им посоветовали обратиться в местную еврейскую общину, восстанавливающуюся после ужасов войны. В общине они были первыми, пришедшими с таким вопросом. Местный раввин предложил им свадьбу под Хупой. Они согласились. Свадьбу проводили по еврейским законам, хотя в довоенной жизни они об этом ритуале даже не слыхали. Гостей было не много, все прошло скромно и тихо. Они были очень счастливы, что нашли друг друга. Вроде все волнения остались позади, впереди только их совместная мирная жизнь, но в ней всегда присутствовал какой-то страх. По ночам в соседние квартиры еще приезжал «Черный воронок» и куда-то исчезали люди.

Тихая жизнь молодой семьи проходила в коммунальной квартире, той самой, которая до войны принадлежала семье Рабиновичей. Когда Абрам вернулся после эвакуации в свою квартиру, новые «хозяева жизни» встретили его с топором и криками: – Странно, а мы думали, что всех жидов убили! Ну, раз ты вернулся жиденок, можешь жить как собачка, в прихожей! Будешь охранять наш покой.

Комната, в которой предстояло жить молодой семье, прежде действительно была прихожей в их большой профессорской квартире. А все остальные лучшие четыре комнаты, были заняты бывшим украинским националистом Мыколой и его женой Мотрей.

Отец Абрама был до войны профессором медицины и в квартире жила его большая семья. Мать Абрама в начале войны была тяжело больна, и ее нельзя было транспортировать. Ее пришлось оставить в больнице в то время, когда началась массовая эвакуация в Сибирь.

Мать Абрама расстреляли оккупанты совместно со всеми больными и похоронили в общей могиле. Из всех остальных родственников выехавших в Сибирь вернулись только Абрам с отцом. Все остальные остались восстанавливать заводы в Сибири. В первую же неделю по приезде случилось несчастье. Моисея убили бандиты в темном переулке, забрав все продуктовые карточки. Абрам был в ужасе и думал о суициде. А зачем ему жить, – думал он. Но бог уберег его от этого шага и свел его с Бертой.

Так и началась их совместная жизнь в бывшей прихожей. Каждую ночь Берта баррикадировала дверь, в страхе ожидая нападения вечно орущих пьяных соседей – бывших бандеровцев. А те после долгой попойки бегали по длинному коридору, устраивали драки и ломали мебель.

Время шло, жизнь менялась, Абрам устроился работать мастером цеха на завод, Берта занималась хозяйством и первенцем – дочкой Лялей. Они, как принято у евреев, очень ждали сына. Но бог решил по – другому.

Места в их тесной комнате было мало. Комната-прихожая с высотой потолка 4,5 метра имела печное отопление, топили углем. А из мебели после войны остались только большая железная кровать, кожаный маленький диван, сервант для посуды и большой письменный стол с зеленым сукном. На столе делали все: обедали, писали письма, смотрели телевизор. Кроме этого в комнате из прежней мебели были еще три больших неудобных тяжелых стула оббитых кожей. Вся эта мебель в довоенной жизни находилась в прихожей их большой квартиры. А в квартире кроме прихожей были: – ванная комната, большая кухня четыре комнаты и три балкона. Но, увы. Все эти площади достались бывшим членам УПА, перекрасившихся в ярых коммунистов.

Дочка Ляля с рождения спала на кожаном кабинетном диванчике рядом с горящей всю ночь печкой. Ее взросление было видно по диванчику. Сначала он был ей впору, а потом ее ноги стали удлиняться и в последнее время просто торчали кверху. Как в таких условиях можно было жить, понять было сложно. Но Абрам знал, что бог завещал: «Плодитесь и размножайтесь!». И молодые решились на второго ребенка.

И вот, наконец, в одесской семье Рабиновичей родился продолжатель фамилии. Долго Абрам и Берта ждали мальчика. Узнав о беременности Берты, Абрам был на «седьмом небе» от счастья. Когда он привез жену из роддома, жители коммунальной квартиры толпой скопились в коридоре.

Гордый этим событием Абрам, который никогда не пытался перечить соседям, громко сказал:

– Сегодня ходите тихо, ребенок должен спать.

В первый день удивленные соседи в доме ходили на цыпочках. А малыш толстый, розовый лежал себе в новой коляске и мирно спал. Он пришел в этот мир, и мир ему нравился.

Первым вопросом для нормальной еврейской семьи было: «Как сделать ребенку обрезание и дать имя угодное Богу?».

В помещении городской синагоги такой ритуал после войны не делали. Ее здание долго находилось в полуразрушенном состоянии. Никто не спешил его восстанавливать. Городские власти задавались вопросом: «Кто знает, как политика повернется? Если ситуация сложится, как при жизни «Усатого горца», тогда никто не придет молиться. А те, кто начал ремонт, будут виноваты в разбазаривании государственных средств».

Известно, что согласно Торы, обрезание необходимо сделать на восьмой день от рождения. Абрам начал вспоминать, кто из его друзей и родственников мог бы ему в этом помочь. Сам он не был особенно религиозным, но для счастья сына он был готов на все.

Сам Абрам был очень симпатичным молодым человеком. Густая копна черных выющихся волос, большие выразительные глаза, черные усы и, конечно длинный еврейский нос. Усы при-

давали его лицу особое интеллигентное выражение. Из одежды у него была стираная – перестиранная солдатская гимнастерка и брюки-галифе. Вместо пальто – старая поношенная шинель.

Работал Абрам часто ночами, много работал сверхурочно, однако получалось, что сколько бы он не работал, зарплаты хватало только на самое необходимое: оплатить квартиру и поесть.

Его жена Берта не была похожа на еврейку. Довольно приятное лицо правильные черты лица, пухлые губы и большая золотистая длинная коса, ниже талии. Зато, какая фигура! Узкая талия, большая грудь и большие бедра, плавно переходящие в такие же крупные ляжки. Когда Абрам впервые ее увидел, влюбился без памяти, и вот они уже 8 лет вместе. За время их счастливой семейной жизни Берта ни дня не работала. «Женщина работать не должна» – это был ее девиз. Абрам и не спорил. Ему никогда не мешало, что мебель старая, квартира маленькая, денег не хватает, одеть дочке нечего. Поэтому одежду Ляле всегда покупали на вырост. Школьную форму для первоклашки брали, как на 14-ти летнюю. Потом у этой формы подшивали подол, рукава. И ходила девочка в этом несменяемом платье с первого по шестой класс. Чтобы локти не блестели, на них надевали нарукавники из черной ткани. И такими были все Лялины вещи. Какая экономия! Только с обувью часто были проблемы. Ноги у нее росли быстро, размер менялся, и приходилось выкраивать копейки из тощего бюджета для покупки очередной новой пары. Это никого не удивляло, все было так, как у всех. Ничего особенного. Зато в стране был Мир, и никто евреев не преследовал.

Абрам с детства жил без матери, которая постоянно болела. В школе учился плохо, но профессию получать было необходимо, и отец отправил его в Москву к родственникам жены. У тех в Москве были большие связи, и они обещали устроить Абрама в институт. Ни при каких условиях нельзя было оставлять молодого симпатичного, но бедного юношу в послереволюционной Одессе. На родной Молдаванке он постоянно был предоставлен сам себе, а дружба с местными компаниями свободной воровской молодежи не могла дать ему хорошего воспитания. В Московский институт авиации он поступил с помощью влиятельного московского родственника в первые месяцы 1940 г и поселился в общежитие. Именно тогда муж его старшей сестры Софьи Соломон получил партийное назначение на работу в Сибирь. Он уехал туда первым из членов большой семьи строить новый завод. Он прибыл в пункт назначения, получил должность главного инженера и однокомнатную квартиру.

Итак, летом в первые месяцы войны, вся семья вместе с научным институтом отца, отправилась товарным вагоном на восток. В пути они были почти два месяца. По прибытии в холодную Сибирь они, как многие, сложно обустраивались на новом месте. Соломон помогал и заботился обо всех приехавших. Прожили они там тихо и мирно все вместе самые тяжелые годы войны.

Мойсей, вернулся в освобожденный город вместе с сыном. Вернулись они в свою прежнюю квартиру, в которой прожили всю жизнь. Но большая часть квартиры к этому моменту была занята семьей украинского бандита. Когда Мойсей с Абрамом вернулись в свой дом, то незанятыми остались только узенькая прихожая его большой квартиры. Все остальные лучшие комнаты были заняты. Что оставалось делать.

– Ничего, – говорил отец, – вот работать начну, на квартирный учет стану и заживем по-человечески.

Довольно быстро он стал на квартирный учет, получил карточки на хлеб. Абрам перевелся учиться из Московского института в Одесский политехнический. Жизнь потихоньку начала налаживаться. Жаль, что в результате дикого захвата, прекрасная квартира превратилась в отвратительную коммуналку. Самыми страшными были общий туалет и кухня. Новая хозяйка – деревенская Мотря по квартире ходила в сапогах и с топором.

Прошло всего полтора года с момента приезда в разрушенный город. Отец с сыном жили вдвоем в маленькой комнате-прихожей. Питались очень скудно. Лишних денег не было. Люди постоянно продавали что-то из вещей на стихийных базарах, чтобы не умереть с голоду. В семье Абрама ничего не сохранилось, все ценное имущество оставалось в других комнатах, у деревенской семьи. Забрать это было не возможно. Ушлые, хамоватые, деревенские ребята прибрали к рукам все, что хранилось в еврейских семьях.

Но бог не спас Моисея, случилось ужасное. Однажды, отец не пришел ночевать. Что было делать? Абрам помчался в городскую больницу, потом в морг, именно там он нашел своего отца. Тот лежал изувеченный в камере морга. В прилагаемых документах было написано: «Пожилой мужчина переходил вечером через трамвайные пути и попал под трамвай». Очевидно, пока вызвали скорую, пока милицию, у него украли все хлебные карточки и документы. А без документов в морге решили, что он бездомный.

После похорон отца, Абрам в ужасе думал о своей дальнейшей судьбе. Семьи нет, родственников нет. Документов на квартиру нет. От ужаса положения у Абрама все чаще появлялась мысль покончить с собой.

Но Бог сжалился над Абрамом, и на одной из вечеринок у приятелей он познакомился с Бертой. Это была большая удача. Берта была девушкой видной, музыкальной: играла на пианино, пела, хорошо танцевала. Она очень понравилась Абраму. Они начали встречаться, а через год – решили пожениться. Но Абрам сделал так, как просила любимая. Теперь она одна руководила всей его жизнью. Она была для него всем: и женой, и любовницей, и другом.

К этому времени Абрам поступил работать на завод. Зарплата его была маленькая, но он и этому был рад.

Прошло несколько лет совместной жизни. Абрам был вполне всем доволен. Правда, немного докучали соседи. Но он к счастью видел их редко, потому что с 6-ти утра до позднего вечера находился на заводе. Там, на заводе, придумали такую кабальную систему, как ненормированный рабочий день. Зарплата постоянная, а нагрузка разная, поэтому, приходилось молча выполнять все указания начальства и оставаться на бесконечные совещания, хотя дома ждала жена.

За время совместной жизни у них родилось двое детей. Вначале первая дочка, потом мальчик. Он и был продолжателем фамилии, в еврейской семье это очень важно.

Наконец-то поиски врача для обрезания увенчались успехом. К ним в квартиру пришел хорошо ухоженный пожилой мужчина с бородкой клинышком. Он осмотрел младенца и предложил приготовить кое-что на завтра для проведения операции.

Делать обрезание малышу предполагалось все в той самой комнате, где и жила семья. Но так как это было запрещено коммунистическим законом, то все должно было быть в строжайшей тайне. При этом в комнате должны были присутствовать только мужчины, никаких женщин. Любопытным соседям по коммуналке ничего говорить было нельзя. На следующий день Абрам отправил жену с дочкой прогуляться. Приглашенными были родственники жены, и доктор приступил к действию. Когда все было позади, доктор сказал: – «По всем правилам сына, родившегося от Абрама, необходимо назвать Исааком.» И все отметили это ритуальное мероприятие кошерным красным вином. После этого можно было регистрировать малыша.

Так и записали в городском ЗАГСЕ – Исаак Абрамович Рабинович.

На то время, пока новорожденный привыкал к обстановке, купаниям, чужим запахам и соседям, дочку решили отдать родителям матери. Она в стесненных пространствах дома стала очень мешать. Они жили на берегу Черного моря и были очень религиозными евреями. Те с удовольствием взяли девочку к себе.

1941 год

Отец Берты Нухим после первых бомбежек города эвакуировался с семьей в Узбекистан. Сам Нухим был инвалидом еще Первой мировой войны. В 1941 году его старший сын Израиль пошел служить в Советскую армию. После первой бомбежки Одессы Нухим с женой Лейлой и 17-ти летней дочерью Бертой, бросив квартиру и все имущество, уплывали на теплоходе в другой конец Союза. Их теплоход уходил одним из последних, был маленький и страшно перегружен. Рядом грузили людей на теплоход «Ленин». Говорили, что теплоход «Ленин» больше и удобней, но на нем мест уже не было. И, наверное, это был знак судьбы. Несколько кораблей, до отказа заполненные беженцами, одновременно вышли из порта. В порту было совершенно темно, даже прожекторы не освещали причалы. Все боялись бомбежек, но тут налетела немецкая авиация и при свете ее прожекторов началась бомбежка. Немецкие летчики, конечно, видели, что на корабле женщины и дети, но выполняли приказ. Корабль «Ленин» за считанные минуты утонул прямо в бухте, и никому из пассажиров спастись не удалось. А корабль «Дружба» ушел из порта на несколько минут раньше и остался цел.

А потом была дорога, бесконечно длинная дорога на восток в товарных вагонах до города Самарканд, который согласился принять беженцев. На место они добрались уже к зиме. Снега в Узбекистане зимой не бывает, поэтому первое время всех приехавших поселили прямо на железнодорожных платформах. Днем в Узбекистане было жарко, а ночью волосы примерзали к подушке. Так все беженцы прожили неделю. Потом их взяла в дом одинокая узбечка, сын которой служил в армии. Берта устроилась работать в совхоз по уборке хлопка, но одета она была не так как другие и красотой выделялась. Пришлось Нухему сопровождать и встречать ее с работы. Каждый раз к нему обращались местные узбеки:

– Слушай, – говорили они – продай дочь, калым большой дам, богатым человеком станешь. Очень дочь мне твоя нравится. Будет у меня любимой женой. Говорящий сладко улыбался, прищелкивал языком, повторяя: «Вай, Вай!»

Нухим только отнекивался и старался скорее увести дочь прочь.

А потом дорога назад. Вернулись в город они одни из первых, но их большая красивая квартира уже была занята. И им пришлось селиться в темном и сыром подвале. Жить где-то было нужно. Подвал был глубокий. Квартира в подвале имела три окна, но через них можно было увидеть только каблуки прохожих. Целый день в комнатах было сыро и сумрачно. Но, видимо, те, кто работал там наверху, посчитали это элитным жильем, и к Нухему в одну из комнат дополнительно подселили семейную пару. Скандалистку Веру с ее мужем, вечно пьяным Степой. Те были всегда радостны, всегда навеселе. А когда сильно выпьют, били кулаками в дверь комнат Нухима и громко кричали, – «Эй, ты жид! Как так получилось, что тебя не убили немцы?»

Несмотря на все проблемы, Абрам все же считал себя человеком счастливым. Многие его друзья погибли от пуль и бомбежек, многие стали инвалидами. А Абрам в начале войны в армию не попал. Его как студента второго курса, отправили на курсы младшего комсостава, но он в это время заболел брюшным тифом и попал в госпиталь. В военном госпитале жизнь кипела. Каждый день привозили раненых. Кто-то из раненых выздоравливал, кто-то умирал, а Абрам лежал в изолированном боксе и ждал смерти. Он сильно похудел и стал похож на узника концлагеря. Активная фаза болезни прошла, но на восстановление организма необходимо было время и усиленное питание. Время было, а вот питание... Его давали раненым для того, чтобы они скорее вошли в строй. А ему было не положено. И тут снова Бог смилостивился над ним. В госпиталь привезли очередную партию раненых, которых сопровождал молодой доктор. Абрам сразу узнал в молодом враче своего бывшего одноклассника Семена. Он позвал

его тихим голосом и попытался с ним поговорить. Но Семен вначале даже не узнал Абрама. Только присмотревшись, он сообразил, что это его школьный друг.

– Боже как ты изменился, – произнес Семен, – Что с тобой?

– Да вот, перенес брюшной тиф, а теперь собираюсь умирать. То, чем меня кормят, есть не возможно, а другой еды нет.

– Ну, ничего, – сказал Семен, я помогу тебе. Я буду здесь 10 дней, и мы поделим мой паек. Я ведь получаю сухое молоко, американский шоколад и многое другое.

Десять дней кормежки прошли быстро, и Абрам пошел на поправку. Он уже мог ходить, у него появился осмысленный взгляд.

Он, конечно, еще не набрал вес, но уже сам передвигался по палате. Потом Семен уехал, а Абрам остался. Он попросился на выписку, но при этом ему не разрешали ближайшие 8 месяцев идти на фронт.

«Что делать? куда ехать? Одесса захвачена немцами», – думал Абрам.

От Семена он узнал, что его отец находится в Сибири. И он решил ехать к отцу.

Спустя шесть месяцев Абрам нашел отца и продолжил лечение под его руководством. Потом освободили Одессу и они поехали домой. По приезду в Одессу он должен был очень трепетно относиться к своему здоровью, но с продуктами были большие проблемы, есть в первое время было совсем нечего. Отец, став на учет в районном отделе продовольствия, получил хлебные карточки. Но пока ехал домой в трамвае у него вытащили портмоне, где они лежали. Раздеваясь дома, он сразу обнаружил пропажу.

– Что делать, – в глазах отца стоял ужас.

– Ладно, – сказал Абрам, – я зайду к соседке во дворе.

Во дворе дома на Молдаванке давно, еще до войны, жила семья, которую знали все. Семья промышляла воровством. Всем в семье руководила толстая Соня, она имела 5 сыновей и 3 дочки. Профессия всех взрослых детей была «вор в законе». Они разделили весь город на районы, где «работали» по разным направлениям: домушники, щипачи – карманники, лотошники, вагонные. К ним и обратился Абрам. Для него они были просто соседи по дому. Когда Соня поняла, что произошло, она сразу позвала свою дочь Басю. – Бася, как могло такое произойти? – спросила Соня.

– Ладно, – ответила толстая Бася, – Я проверю.

Через три дня в их дверь позвонили, и какой-то мальчишка протянул Абраму портмоне:

– Извините, я не знал, что вы свой, – сказал он.

После смерти отца Абрам долго приходил в себя, и только Берта помогла ему выжить. Он был ей за это бесконечно благодарен.

Исаак рос болезненным ребенком, как многие дети, родившиеся в январе. Хотя все внимание в доме принадлежало ему, это не меняло ситуации. У него было бесконечное количество болезней.

Поэтому Ляля продолжала жить у бабушки. Там, совсем в другом районе города она ходила в украинскую школу. Ляля была девочкой послушной, с детьми по улицам не бегала. Все время проводила с бабушкой и дедушкой.

Район, в котором она жила, оказался для нее очень большим, чужим и незнакомым. Ведь ни ясли, ни сад она не посещала.

Поэтому в течение первого месяца первого класса школы она каждые 15 минут в ужасе выбегала в коридор, считая, что ее бросили. Но бабушка была на посту. Приходилось бедной бабушке, полный учебный день сидеть в вестибюле школы. Ведь Ляля просто боялась потеряться в чужом районе.

Так прошло 6 лет, Ляля пошла в седьмой класс, а к этому времени и Исаак подрос. И тогда Лялю вернули домой. Она очень этого не хотела.

Ведь у бабушки она была хозяйкой, старики старались угодить каждому ее желанию. В квартире родителей места ей совершенно не было. Все ютились в маленькой комнате. Ее любимый диванчик был занят. На нем пристроился подросший брат, ей приходилось спать на раскладушке.

Но были и радости. Брат уже в 5 лет начал читать, считать, играть на скрипке и пианино. Теперь мама занималась им все свободное время.

Она с придыханием говорила: – У нас растет ГЕНИЙ.

Исаак раньше своих сверстников пошел в первый класс. Удивленный директор школы, увидев толстого малыша, спросил: – Зачем вы привели такого маленького ребенка? Ляля, стоящая рядом гордо ответила: – Он сейчас Вам покажет, что умеет. И малыш показал. Он бегло прочел все предложенные ему тексты. Толково ответил на все каверзные вопросы, и его приняли в порядке исключения.

Берта, которая сама всегда мечтала о музыкальной карьере, в этот же год она повела его на класс скрипки. Ну, какой же еврейский ребенок без скрипки?

И началась тяжелая домашняя жизнь. Исааку приходилось выполнять музыкальные домашние задания по скрипке. Это занимало огромное количество времени. Но эти занятия никому не давали в коммунальной квартире покоя. Не каждая нервная система в состоянии выдерживать постоянное скрипичное пиликанье.

Так прошли первые годы учебы. Вчетвером они продолжали жить в одной комнате. При этом шли бесконечные беседы с соседкой Марией, заселившейся временно много лет назад в большую комнату. Все помнили о ее клятвенных обещаниях: – «Выехать из комнаты по первому требованию». А она об этом совершенно забыла и, слышать не хотела об обмене комнатами. Абрам работал, Берта смотрела за детьми и бегала на Привоз за свежими дешевыми продуктами. Денег катастрофически не хватало. Все говорили об Исааке, как о подающем надежды музыканте и будущем великом человеке, надежде семьи. Несколько раз приезжала Софья из Сибири, считая, что может помочь Абраму в его ужасных жилищных условиях. Старшая сестра беседовала с Марией по поводу обмена комнатами, но та отвечала: – Я считаю, что Берта не годится в жены Абраму. Я этот брак не приветствую, поэтому больше о квартире со мной не говорите.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.